

Под Новый год я узнал о том, что Тёмы не стало. Было странно встретить его редкую, почти стёршуюся из памяти фамилию на страницах столичной газеты, пусть и в крохотной заметке. Это даже сложно было назвать некрологом – так, простое сообщение на последней странице между погодой и гороскопом:

«Известный зоолог Артём К* погиб, перевернувшись на снегоходе...» – и ещё пара предложений с неуместными подробностями личной жизни погибшего, отчего я и не привожу его фамилии полностью. Пусть это останется на совести газетчиков, а мы не будем лезть туда, куда не следует. В конце концов, вы тоже никогда не узнаете, что напишут о вас в подобной ситуации, да и напишут ли вообще.

Он звал меня Гришаном, а я его Тёмой, и этого вполне достаточно. Мы проучились вместе всего-то раз-два... да, каких-то четыре неполных месяца, прежде чем расстались навсегда. Хотя «расстались» не совсем подходящее слово для короткой дружбы сопливых сорванцов, которым на двоих тогда не было ещё и семнадцати.

Когда я прочитал о трагической кончине Тёмы, перед глазами сразу встали его ботинки. Обычные с виду ботинки, которые при не самых обычных обстоятельствах однажды стали моими. Мы долго не замечали друг друга, но одним погожим зимним днём всё переменялось. Я возвращался домой после уроков и в первый раз увидел Тёму не в школе, а в нормальной обстановке. Генерал Мороз игриво щипал прохожих, дворовый кот Кузя грелся на лукавом солнце, а Тёма сбросил на снег рюкзак и постыдную сменку и, слегка согнув в коленях свои тощие ноги, лихо устремился вниз с пригорка.

Как зачарованный, я подошёл ближе, а Тёма снова взбежал вверх, и его коричневые ботинки, по-заячьи высунув наружу длинные меховые

язычки, ещё раз отважно просвистели по глянцевому насту. Рядом появилась дочь директора школы, наша одноклассница Люда, всегда аккуратная, розовощёкая и пахнувшая карамелькой. Но тут у девочки съехала набекрень пуховая шапка, а портфель дурашливо скосился вбок расстёгнутой пряжкой – по всему было ясно, что Люда просто восхищена, и мне стало обидно.

– Эй, Гришан, айда за мной! – попыхивая серебристым паром, азартно выкрикнул Тёма.

Он впервые обратился ко мне по имени, и я, не раздумывая, кинул ранец на его поклажу и во весь дух разогнался. Выбросив ноги вперёд, я почувствовал, как подошва зубасто вонзилась шипами в снежную корку и взрыхлила укатанную поверхность. Потеряв равновесие, я не успел сложиться и воткнулся лицом в сугроб.

– Эх ты, такую трассу испортил! – послышался укоризненный голос Тёмы.

Он сразу потерял ко мне интерес, запустил снежками в Люду и Кузю и убежал. Девочка отряхнулась, поправила шапку и портфель и снова стала опрятной и недоступной.

– Я всё папе и брату расскажу! – бросила она в спину обидчику, но Тёма уже беззаботно скользил дальше на своих чудо-ботинках.

Про меня забыли все, кроме Кузи. Распластанный и униженный, сквозь пелену струившегося по лицу талого снега я увидел перед собой зелёные кошачьи глаза, подёрнутые бахромой и тоскливые.

Когда я пришёл домой, то жалобно заканючил с порога:

– Мам, купи мне ботинки, как у Тёмы. Ну, пожалуйста...

– Что такое, сынок? – встревожилась она, разглядывая мою переносицу. – Тебя кто-то обидел?

– Мои сапоги. Они такие непослушные, – простонал я. – Они не хотели ехать с горы и упали. Мне нужны, как у Тёмы!

– Гришенька, но они же совсем новые. Помнишь, как долго мы их выбирали? А они тебе очень понравились.

– Они хорошие, но... давай их поменяем, а? Подадим объявление в газету?

– Ах, что ты такое говоришь. Марш в комнату, нужно сперва обработать рану.

На следующее утро я проснулся раньше обыкновенного. Решение пришло ко мне на излёте сна и показалось единственно верным и спасительным. Вырвав из тетради два хрустящих листа (это была математика, не жалко), я разрезал их на четыре прямоугольника, выписал на каждом увиденный во сне текст и раскроил ножницами, вспомнив бабушкины манипуляции по рекламной части.

Отыскав клей и одевшись, я уселся в прихожей и стал терпеливо ждать, когда же проснётся мама. Как только в её спальне прозвенел будильник, я быстро натянул на себя шапку и варежки и вышел ей навстречу.

– Гриша, ты куда так рано собрался? – ещё сонная, всплеснула она руками.

– Мама, собирайся скорее.

– Да что же случилось, наконец?

– Пойдём развешивать объявления, – заговорщически сказал я и протянул ей своё утреннее творение.

**МИНЯЮ САПОГИ НА ДЕНЬГИ ИЛИ НА БАТИНКИ КАК У ТЁМЫ!
ТИЛИФОН 65-94-27!!
ГРИША ПОСПЕЛОВ!!!**

65-94-27

После шко-
лы буду дома

65-94-27

После шко-
лы буду дома

65-94-27

После шко-
лы буду дома

65-94-27

После шко-
лы буду дома

65-94-27

После шко-
лы буду дома

65-94-27

После шко-
лы буду дома

65-94-27

После шко-
лы буду дома

Мама держала в руках мои смелые прокламации и улыбалась. А я, правда, уже без прежней уверенности, продолжал стоять на своём:

– Ты умойся и покушай – и пойдём, ладно? Я думал в школе разве- сить, но ведь лучше на остановке и у магазина, правда? Бабушка всегда так делала.

– Конечно, сынок. Ты пока разденься и расскажи мне о своём Артёме.

Слово за слово, мама накормила меня завтраком и уговорила идти напрямиком в школу, пообещав развесить объявления по пути на работу.

– Пригласи к нам Артёма, пусть вечером приходит. Посмотрим, что там у него за ботинки.

После уроков я, не заходя домой, отправился на остановку. Я по- дошёл к доске объявлений, с замиранием сердца впился глазами в её слоисто-махровую поверхность, но текста своего не нашёл. Ничего, подумал я, видимо, так заинтересовались моим предложением, что со- драли его целиком. Бабушка так и говорила: раз сорвали – значит, хотят, чтоб другие не позарились.

У магазина я обнаружил то же самое и возликовал, ещё больше уве- рившись в скором успехе своего предприятия.

Нужно было срочно бежать домой и ждать звонка, а потом и при- хода Тёмы. И то и другое щекотало и будоражило, решало мою судьбу на всю оставшуюся зиму, включая и март с апрелем. Сделав уроки, я не пошёл гулять во двор, чтобы снова не запачкать сапоги, мирно со- певшие в углу после лёгкой косметической починки (не обошлось без фена, фломастера и зубной пасты).

За окном пушился снег, а я всё сидел, смотрел на улицу и подгонял наступление вечера. Пузатый телефон молчал, и я протёр его ещё не просохшей обувной тряпкой. С трубки уродливо косились кривые под- тётки, и меня вдруг пробрало: неужели объявления отклеились и рассе- ялись по ветру? Нет-нет, замахал я головой сам на себя. То, что разве- шивала мама, никуда пропасть не могло.

И точно – пузатый разразился звонком, и сердце застучало, как тен- нисный мячик:

– Алло, это Гриша Поспелов? – услышал я приветливый женский голос, показавшийся мне знакомым.

– Дааа, – робко выдохнул я.

– Я звоню по поводу объявления. Вы ещё продаёте свои сапоги?

– Да. И меняю тоже.

– А за сколько вы готовы их отдать?

Мячик в груди надулся до баскетбольного и запрыгал внутри тяжёлыми ритмичными ударами. Я совсем забыл назначить цену!

Но кто же это звонит? Неужели тётя Лара с маминой работы? Это испугало ещё больше, и я положил трубку.

Телефон не звонил минуту, другую, и мне стало хорошо. Я представил себе важную фигуру тётя Лары с полными бухгалтерскими руками и её разодетого сына Гошу, похожего на ленивого пингвина, и окончательно успокоился. Логика подсказывала, что мои сапоги им точно негодились бы, да и потом – как носить вдвоём одну пару?

С работы наконец пришла усталая мама, и почти сразу вслед за ней явился Тёма, причёсанный и с гитарой. Было видно, что он подготовился. Прямо в дверях он забренчал на четырёх визгливых струнах, и его душа полилась фальцетной рекой в наших комнатах:

Когда я катаюсь с горки, никогда не падаю,
Мушкетёром стану я – говорю заранее.
Раз индейцы к нам пришли – и на юг всех увезли.
Когда кончится зима, к ним уеду навсегда...

– А ты смотришь «Санта-Барбару»? – остановившись, спросил Тёма. – Там на шпагах дерутся! Нет? Ну ты даёшь! А про индейцев читал?

Мама налила нам чаю, и Тёма начал увлечённо рассказывать про банду краснокожих, которые вероломно объявились в его деревне и начали устраивать там свои порядки. Местный шериф не смог их утихомирить, и тогда прибывший на выручку капитан Немо атаковал с моря вместе с армией ковбоев и гладиаторов.

Ошеломлённый я вспомнил мирный бабушкин домик с курятником и сеновалом и с завистью спросил:

– И чем всё кончилось? Кто победил?

– Думаю, что десанты, – уклончиво ответил Тёма. – А может, и гладиаторы. Мой папа часто кричит у телевизора «Спартак – чемпион!», а он у них вроде главный.

Мои познания об окружающем мире стремительно расширялись, а варенье на столе неумолимо таяло. Есть и пить я больше не мог, и Тёма, заметив мою тоску по героизму, склонился и прошептал мне в ухо сладким вишнёвым воздухом:

– Давай докажем, что мы не хуже индейцев?

– Как это? И кому?

– Себе, конечно! Ну, и Людке тоже. А то ходит такая важная, прячет косы на переменах. Согласен? Тогда завтра в школе всё устроим. Зайду утром, точи пока свой томагавк.

Я впервые слышал это слово, но кивнул: мол, даже не обсуждается, – и Тёма, схватив заляпанную сиропом гитарку, решительно засобирился домой.

В коридоре я увидел его ушастые ботинки, пустившие небольшую лужицу рядом с моими сапогами.

– Хочешь померить? – спросил Тёма.

На помятой, местами изломанной коже поблёскивали полоски непросохшей сырости, и в таком виде, отделённая от Тёмы, эта невзрачная, пропахшая уличной солью обувь не вызвала ничего, кроме жалости и желания поставить её куда-нибудь подальше от моих сапог. Мне стало обидно за себя, за маму, за тётю Лару и, конечно, за бабушку, которая научила меня писать объявления.

Но друга обижать не хотелось, и я, взяв тяжёлый намокший ботинок, с содроганием погрузил в него ногу. Склизкий холодок пробежал

по ступне, устремился ледяной змейкой вверх по спине и ударил в голову брызгами мурашек. Второй ботинок оказался уже не таким коварным: несколько студёных червячков поиграли в копчике и бесследно скрылись. Я слился с предметом своих недавних вождлений, но желал только одного: поскорее пойти в душ и согреть ноги.

– Скажи, классные? – сказал Тёма, любуясь со стороны. – Ни у кого таких нет.

– Ага, – подтвердил я, с облегчением снял ботинки и нырнул в тепло домашних тапочек.

Наутро Тёма снова появился у нас и загадочным движением глаз указал на свой мешок, в котором проступало сразу несколько предметов, совсем не похожих на сменку. В ответ на мой немой вопрос Тёма поднёс палец ко рту. Всю дорогу до школы он сохранял молчание, и только когда мы очутились в тёмном углу ещё пустого гардероба, он оглянулся по сторонам и выдохнул:

– Кажется, нет погони. Начинаем артподготовку.

Тёма открыл мешок, пошарил в нём фонариком и стал выуживать разные фантастические предметы. Через пару минут мы стояли в куртках цвета хаки с газырями и смотрели друг на друга через стёкла противогазов.

– Нормально, – глухим голосом удовлетворённо констатировал Тёма, ослепив меня пучком света. – Людка будет здесь минут через десять. Ещё есть время принести клятву.

Он достал из мешка палку, похожую на древко для флага, и, испытующе посмотрев на меня, аккуратно вынул коробку с картинкой мчавшегося на санях Деда Мороза.

– Это что, подарок? – спросил я, ощупывая свою полысевшую резиновую голову.

– Не подарок. Но Людке понравится, – угрожающе процедил Тёма, достал из коробки что-то округлое и волосатое, вонзил на древко и торжественно поднял кверху. – Бойся индейцев, дары приносящих!

Подсвеченные фонариком, на нас злоеще глядели застывшие глаза kota Кузи.

У меня перехватило дыхание, и я судорожно сорвал с себя противогаз.

– Вот и правильно, – сказал Тёма, сделав то же самое. – Пора скрепить договор кровью жертвы.

– Какой ещё жертвы? – пролепетал я.

– Этой самой, ты видел. Первым попробуешь, или мне начать?

Тёма вытащил из кармана небольшую банку и потряс ею у меня перед носом. Даже в полумраке я разглядел, как вниз по стенке потекли багровые разводы.

Не дождавшись моего ответа, Тёма открыл крышку и, припав ртом к сосуду, немного отхлебнул из него. Губы преступно заблестели, и он протянул банку мне.

– Твоя очередь. Давай скорей, вон уже первоклопы ползут. Скоро Людка притащится!

Действительно, в гардеробе началось шевеление, и я с надеждой посмотрел на тускло освещённые закутки с вешалками. Увы, рядом не было капитана Немо, который мог бы меня выручить, а в Деда Мороза я как-то уже не верил.

Голос моего товарища раздался как приговор:

– Ты чего, испугался? Если не выпьешь, никогда не станешь супергероем!

Банка оказалась тёплой на ощупь, и я представил себе, как ещё недавно её содержимое невидимо переливалось в живом кошачьем теле. Неужели я больше никогда не встречу Кузю? Дрожащими влажными руками я приблизил жидкость к лицу, и в нос ударил сладковато-соленый запах, что-то муторное и липкое, вроде патоки вперемешку с рассолом. К горлу подступил тяжёлый, неумолимый комок, рот наполнился непрошеной слюной, и я сразу понял, к чему идёт дело, смекнув, что до туалета добежать уже не успею.

От позора меня спасло появление Люды. Едва заслышав её голос, Тёма натянул на себя противогаз, схватил своё тотемное древко и гаркнул: «Смерть бледнолицым!» Встрепенувшись, я дёрнулся и расплескал жидкость, забрызгав руки и выданное Тёмой облачение. В таком перепачканном виде, на ходу прилаживая противогаз, я устремился вслед за другом, который с гиканьем понёсся к группе девочек, стоявших у зеркала. Выставив вперёд кошачью голову, он ткнул ею в сторону Люды, и та, выронив из рук блестящие тубельки, отпрянула назад и надсадно завизжала. Другие девчонки бросились врассыпную и завопили ещё пуще, завидев меня в окровавленном противогазе.

Словив на себе ошалелые, восхищённые взгляды мальчишек, включая более старших, я ощутил всю власть своего положения и припустил дальше за Тёмой. Выбравшись из гардероба, мы промчались мимо кабинета директора, столкнулись в коридоре с учителем физкультуры и шугнули ещё несколько попавших под руку школьников.

Наконец, в тот момент, когда рядом больше никто не показывался, Тёма махнул мне рукой и свернул под лестницу, в широкой тени которой можно было на время укрыться.

– Эге-гей, мы сделали это! – ликующе прохрипел он и клацнул пятернёй по моей ладошке. – Раздевайся, пока кидаем всё здесь. Выходим по одному, нужно ещё забрать рюкзаки в гардеробе. На перемене уложим вещи обратно в мешок – и валяй, шито-крыто.

Всё-то у него было продумано, у моего храброго Тёмы. Но полностью замести следы нам, конечно, не удалось. Происшествие не могло укрыться от директора, хотя бы потому, что в тот день его примерная, карамельная Люда так и не оправилась от испуга и не появилась в классе. Её старший брат Боря, вечно насупленный, мрачноватый тип, принялся вынюхивать подробности и искать виновных, чтобы отомстить за сестру. Мы с Тёмой тоже приутихли и старались не попадаться на глаза ни Боре, ни Люде, ни их грозному родителю.

Примерно через неделю после нашей проказы, когда казалось, что всё уже позади, я стал свидетелем отвратительной сцены. Привычно огибая школу по дороге домой, я увидел, как ватага пацанов сгрудилась за грязным пристроем, где обычно собирался клуб юных курильщиков, и нещадно валтузила какого-то бедолагу, прижатого спиной к забору. В глаза бросился потный затылок Бори, и всё стало до боли ясно. Кое-как вклинившись сбоку, я увидел скрюченного Тёму, извивавшегося под ударами рук и ног, и бросился на его защиту. Моё появление ещё больше раззадорило эту гнусную шайку, и всклокоченный Боря заорал:

– Это ты был с этим уродом, да? Чего мычишь, падла? На вот тебе, быкан!

Его удар под дых свалил меня с ног, и я почувствовал, как ещё несколько грузных сапог гулко впечатались в моё осевшее тело.

Дня через три я уже мог вставать с постели и вскоре навестил Тёму, который попал в больницу. В полутёмной палате у изголовья его койки

стояла гитара, на тумбочке виднелась книжка «Козетта и Гаврош», а сам Тёма, лёжа под капельницей, отрешённо смотрел в окно, за которым искрился мелкий перламутровый снег. Из приёмника негромко лилась лёгкая, но грустная мелодия, и я молча смотрел на своего друга, его перевязанное синюшное лицо с соломенными волосами и не знал, с чего начать разговор.

– Гришан, ты как? – еле улыбнулся он, наконец заметив меня. – Тоже, смотрю, с фингалом? Я ведь не хотел тебя выдавать, но ты сам сунулся. Не надо было...

– Людка просила передать, что не сердится, – невпопад сказал я.

– Людка? Жаль, хорошая девчонка...

После этих слов Тёма зажмурился и отвернулся, видимо, не желая, чтобы я видел его лицо. Когда он снова посмотрел на меня, в его влажных глазах снова заиграло что-то прежнее, лихое, и я решился спросить его о том, что никак не выходило из головы:

– А Кузю тебе не жалко? Зачем ты его тогда?..

– Чего?

– Ну, того, – сказал я и провёл большим пальцем у горла.

– А, ничего страшного, – бесстрастно ответил Тёма. – Прикрутил башку обратно к чучелу, мама ничего не заметила. Она у меня в музее работает.

Едва я успел обрадоваться, как тут же возник другой вопрос:

– Подожди, а как же... кровь?

– Кровь... – неохотно протянул Тёма. – Да ничего особенного. Размешал в воде варенье, подсыпал соли – вот тебе и кровь. Так и в «Санта-Барбаре» делают, и вообще. От чучел крови не добьёшься.

Прибежав домой, я весь вечер прослonyaлся по дворам, выискивая Кузю, но он нигде не показывался. На следующий день я увидел его на том же месте у пригорка, где не так давно подружился с Тёмой. Подбежав к коту, я взял его на руки и прижал к себе, но ему, похоже, не понравились мои нежности, и он задиристо зашипел.

– Эх ты, чучело огородное! Ничего, скоро Тёма поправится, заживём как раньше.

Но возврата назад уже не было. Через несколько дней взволнованная мама встретила меня с неожиданным известием:

– Приходила мама Артёма. Сказала, что его выписали и сразу отправили на юг, к бабушке. Родители к Новому году тоже туда переедут. Они вроде уже давно планировали, а теперь, после этой ужасной истории, решили больше не откладывать. Тебе, кстати, от Артёма записка и подарок.

В надежде, что всё это совсем не так, а по-другому, я развернул клочок бумаги, на котором было кое-как нацарапано:

Гришан, я уезжаю на юг к индейцам. Жаль, не могу взять тебя с Людкой Кузей. Приезжай летом, подружиться с Гаврошем и Томом Соьером. В наших краях всегда тепло, шапки и противоголазы никто не носит. Оставляю тебе подарок на Новый год. Мне он уже не нужен, а тебе пригодится. Можешь передать мне свой через маму.

*Артём К**

Подавленный и оглушённый, я заметил стоявший рядом подарок. Из приоткрытой коробки с весёлым Дедом Морозом выглядывали заячьи уши Тёминых ботинок.